

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-3-715-734

EDN: NEOGQW

УДК 811.111'42:32:342.5(73)

Научная статья / Research article

Стратегии власти в политическом дискурсе: анализ ситуации общения равноправных коммуникантов

А.Б. Алексеев¹ , Э.А. Сорокина² ¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва,
*Российская Федерация*²Государственный университет просвещения, Мытищи, Российская Федерация
 neuausstatten@mail.ru

Аннотация. Понятие «власть» — одно из наиболее важных для гуманитарных наук. Целью статьи является выявление стратегий власти в политическом дискурсе, в частности, в ситуации общения равноправных коммуникантов. Задачи исследования включают: экспликацию терминов «власть», «стратегия власти», «невежливость», «манипуляция», «языковая игра»; критический дискурс-анализ политического дискурса, учитывающий социальные характеристики говорящих, не являющихся неизменными данностями, но постоянно воспроизводимых / заново конструируемых, обнаружение тех фрагментов дискурса, в которых так или иначе демонстрируются властные отношения и их интерпретация в соответствии с актуальными лингвополитологическими теориями; подведение итогов и определение дальнейших перспектив и векторов изучения власти в русле междисциплинарного подхода. Методология исследования основывается прежде всего на принципах критического дискурс-анализа и кратологического анализа, предполагающего, что любое общение — отнюдь не только политическое — может разворачиваться в рамках симметричного / асимметричного обладания коммуникантами властью. Материалом исследования послужили тексты дебатов и выступлений на митингах, созданные в рамках американского политического дискурса 2015–2016 гг. и транслируемые на видеоплатформе YouTube: рассматриваются 13 текстов, общее время просмотра составляет более 10 ч. В ходе исследования выяснено, что политики, используя различные виды невежливости, например нападение на лицо соперника, могут отказываться признавать его высокий социальный статус, ставить под сомнение достижения и заслуги, выдвигать категорические требования перемен. Говорящий, стремящийся предстать перед аудиторией властным человеком, может нарушать максимы этического речезыкового поведения, не считаясь с мнением собеседника.

Ключевые слова: власть, манипуляция, невежливость

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования.

© Алексеев А.Б., Сорокина Э.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2024

Дата приема в печать: 15.06.2024

Для цитирования:

Алексеев А.Б., Сорокина Э.А. Стратегии власти в политическом дискурсе: анализ ситуации общения равноправных коммуникантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 715–734. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-715-734>

Strategies of Power in Political Discourse: Analysis of the Communicative Situation Between Equal Communicators

Alexander B. Alexeyev¹ , Yelvira A. Sorokina²

¹The Russian Academy of Economics and State Service, *Moscow, Russian Federation*

²Federal State University of Education, *Mytishchi, Russian Federation*

 neuausstatten@mail.ru

Abstract. The notion of ‘power’ is one of the most important for humanities. The article’s objective is to discover strategies of power in particular in the situation of communication between equal interlocutors. The goals of the study include: explication of terms ‘power’, ‘strategy of power’, ‘impoliteness’, ‘manipulation’, ‘language game’, critical discourse analysis taking into account social characteristics of speakers, which are not unchangeable social phenomena but are always constructed / reconstructed in discourse, finding those fragments of discourse that in this or that way demonstrate power relations and interpretation of them in accordance with linguopolitical theories, conclusions and assessing further prospects and vectors of study of power within an interdisciplinary framework. The methodology of the study is primarily based on the critical discourse analysis and kratological analysis presupposing that any communication — not just the political one — can unfold in the situation of symmetric / asymmetric power relations between communicators. The material of the research encompasses the texts of debates and rally speeches created in the American political discourse of the years of 2015–2016 and broadcast on the video platform of YouTube: 13 texts are considered, with the overall watching time exceeding 10 hours. During the research it has been found out that politicians using different types of impoliteness, for example the attack on the opponent’s face, can refuse to recognize his high social status, question his achievements and merits, come up with categorical demands. The speaker trying to present himself before the audience as a powerful man can break maxims of ethical speech behavior, not considering the interlocutor’s opinion. Following the foreign scholars, it is suggested to interpret such cases of the use of language power games in accordance with the term ‘strategy of power’.

Keywords: power, manipulation, impoliteness

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contribution: The authors contributed equally to this article.

Article history:

Received: 01.06.2024

Accepted: 15.06.2024

For citation:

Alexeyev, A.B. & Sorokina, Ye.A. (2024). Strategies of Power in Political Discourse: Analysis of the Communicative Situation Between Equal Communicators. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(3), 715–734. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-715-734>

Введение

Тезис, что политическая коммуникация представляет собой прежде всего общение, вращающееся вокруг борьбы за власть с целью либо ее удержания, либо, напротив, оспаривания сложившихся потестарных (от лат. *potestas*, итал. *potestà* — политическая власть, господство) отношений, казалось бы, не должен вызывать возражения в силу конвенциональности такой трактовки в науке, ее логичности и — не менее важно — соотнесенности с жизненным опытом людей, их обыденным языковым сознанием, ведь, на самом деле, научная и обыденная языковые картины мира приходят друг с другом во взаимодействии, игнорировать которое ученому невозможно, тем более, когда речь идет о консубстанциональных терминах, таких как «власть» [1. Р. 1].

При рассмотрении темы, вынесенной в заглавие статьи, на пересечении лингвистики и политологии с привлечением теоретических положений и методологического инструментария иных социально-гуманитарных дисциплин, необходимо обратиться к ключевому для предпринимаемого исследования понятию «власть», тем более что во многих работах языковедческого характера — даже если речь идет об изысканиях в политической лингвистике — оно часто остается неосвещенным.

Несмотря на это, следует отметить, что интерес к данной теме — прямо или косвенно — среди лингвистов растет. Так, Ж.Н. Жунусова и ее соавторы, изучая особенности функционирования фразеологизмов в рамках политической коммуникации, совершенно верно отмечают трансформирующийся характер отношений между обществом и властью, хотя и понимаемой в узком смысле слова, тем не менее связываемой прежде всего с возможностью оказывать воздействие, в том числе манипулятивного характера, на адресата. В работе отмечается, что фразеологические единицы, неся оценочный компонент, обладают суггестивным потенциалом и способны формировать оппозиции *хороший — плохой // свой — чужой* [2. С. 232–234], которые, по нашему мнению, являясь в том числе этическими категориями, несомненно, делимитируют социальное пространство, устанавливая границы одобряемого и дозволенного, в чем, собственно, и демонстрируется власть дискурса как транслятора значимых смыслов.

В филологии и, в частности, в теории перевода употребляют термин «сильный текст», подразумевая под ним произведение, выступающее объектом междисциплинарного изучения, обладающее ценными эстетическими свойствами, образующее ядро мировой литературы [3. С. 264]. С точки зрения лингвопрагматики и политической лингвистики данное понятие может быть интерпретировано несколько иначе: сильный текст — текст, произведенный

влиятельным лицом, направленный на трансляцию властного начала, поддержание или изменение социальных отношений.

Отметим также ряд лингвистических исследований, непосредственно занимающихся рассмотрением власти. Помимо трудов зарубежных авторов, на которые мы опираемся [1; 4], эта тема на материале англоязычного армейского дискурса отражена О.А. Никишиной [5]. Вопрос распределения власти в педагогическом дискурсе поднят нами в статье ‘Bernard Shaw’s Play “Pygmalion” As Pedagogical Discourse’ [6]. Власть языка подчеркнута Л.А. Халиловой [7], а концепт «власть» находит отражение, например, в работе Н.Н. Шукурова [8]. «Власть» в том или ином ее аспекте обсуждается в лингвополитологических изысканиях И.А. Панчук, обращающегося к проблеме так называемой риторики ненависти [9], Л.С. Чикилевой и Е.Ю. Алешиной, исследующих феномен конфликтного общения [10], И.В. Селивановой, рассматривающей стратегии удержания власти [11], и др.

Понятие «власть» как объект изучения лингвистики

Предвосхищая дискуссию о множественности возможных толкований термина «власть», находим вполне уместным привести точку зрения известного советского ученого А.Ф. Лосева, посвятившего свое научное творчество сложным философским проблемам, согласно которой именно те понятия, которые на первый взгляд не требуют никакого объяснения, поскольку доступны для «всех», наиболее трудны для использования (цит. по: [12. С. 102]). Действительно, как пишет американский политолог Дж. Най — автор влиятельной концепции мягкой силы (англ. *soft power*), — «Власть как погода. Существование каждого [человека] зависит от нее, но мало кто понимает, что она есть ... Власть как любовь: легче испытать ее воздействие, чем дать ей определение или измерить ее, но от этого она не менее реальна» [13. Р. 1].

Несмотря на то, что, по свидетельству О.Р. Михайловой, ученые имеют тенденцию избегать употребления терминов, не поддающихся линейной операционализации или квантитативному анализу [14. С. 29], следует согласиться с мнением английского математика, логика, мыслителя Б. Рассела, считавшего: «Фундаментальный концепт социальной науки — Власть, равно как Энергия — фундаментальный концепт физики» [15. Р. 1].

Необходимо констатировать: до последнего времени тема «власть» была периферийной для лингвистов, ограничивавшихся упоминанием о борьбе за власть как основной лингвопрагматической установке, регуливающей политическое общение, но не представлявших сколько-нибудь подробный обзор того, каким образом властные отношения конструируются / поддерживаются / оспариваются в процессе коммуникации. В дальнейшем условимся исходить из следующего основополагающего для настоящего исследования принципа: применение языка в любой ситуации

взаимодействия людей неизбежно сопряжено с большей или меньшей демонстрацией, а чаще и созданием структур власти, охватывающих и детерминирующих широкий спектр социальных интеракций между личностями, регулирующих их коммуникативные поступки. Подчеркнем: предлагаемая трактовка подразумевает, что «власть» перестает быть исключительно (лингво) политологическим термином, превращаясь в ключевое понятие лингвистики в целом.

Итак, не стремясь дать какого-либо универсального определения «власти», сделаем акцент на актуальности ее широкой, а не узкой, как это традиционно было принято в политической лингвистике, интерпретации — в качестве магистральной дискурсивной категории, несводимой только к *potestas*, т.е. политическому влиянию, но представляющей собой, по существу, игры во власть, можно также сказать, языковые игры (англ. *language games*¹) в их витгенштейновской интерпретации в качестве форм [общественной] жизни [16. С. 12], или модусов существования человека в социуме и политике, поскольку следует согласиться с точкой зрения Н.Н. Равочкина, что едва ли есть сфера жизни «более зависим [ая] от языка, чем та, что непосредственно связана с обладанием политической властью» [17. С. 48].

По мнению Р. Ратмайр, единицы любого уровня языка — за исключением разве что фонем и морфем — способны транслировать власть, но особенно она заметна при выборе говорящим лексики, паравербальных сигналов, например интонации высказывания, громкости голоса, и речевых актов. Автор закономерно полагает: приказы, угрозы, несмягченные отказы, решительные возражения и т.п. являются эксплицитными индикаторами степени власти, которой наделен коммуникант [4. С. 257–258].

Однако важно также отдавать себе отчет в том, что хотя в большинстве случаев нижестоящий на социальной лестнице индивид и не может позволить себе грубость по отношению к высокопоставленному человеку, ибо это поведение неадекватно и в лучшем случае будет квалифицировано хамством, всегда обнаруживаются исключения из данного правила, опосредованные самим феноменом языковой игры, являющейся, в конце концов, не просто лингвокреативной деятельностью, но такой, в которую допускается вносить большие или меньшие изменения, что неизбежно ведет к пересмотру социальных иерархий. Как точно выразился Ж.-Ф. Лиотар, «самый обездоленный никогда не бывает лишен власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют...» [18. С. 45].

---

¹ В английском языке термин «языковая игра» имеет и другие возможные варианты перевода, например, *language play* или *word play*. Однако было бы неверным считать их абсолютными синонимами. Дело в том, что только выражение *language game* указывает на языковую игру как социокультурный феномен, не сводимый к использованию эпитетов, метафор, каламбуров и других лингвостилистических средств.

К осмыслению понятия «стратегия власти»

Термин «стратегия власти» употребляет австрийская исследовательница Р. Ратмайр, различающая *стиль большой власти* и *стиль низкой власти*. Избрание коммуникантом первого стиля сопряжено с применением речевой агрессии, развязностью / непринужденностью / невыдержанностью в общении, порой нарушением языковых и этических норм, например, максим П. Грайса, частым перебиванием другого человека, предпочтением лексики возвышенного регистра, иногда маскирующей реальный смысл высказывания (ср. слова «увольнение» и «высвобождение»), и речевых актов, прямо свидетельствующих о высоком социальном статусе говорящего, его обладании обширными знаниями, компетенциями, социальными связями. На паравербальном уровне дискурсивная категория «власть» проявляется в громком произнесении и соответствующей — категорической, повелительной — интонации фразы. Более того, стремясь расширить свое влияние, языковая личность, наделенная авторитетом или желающая представить себя в таком свете, может полностью контролировать тематическое содержание разговора, задавая повестку дня, не замечая реплики нижестоящих коллег [4. С. 257–258].

Стиль низкой власти характеризуется пассивностью, колебанием, тенденцией отказываться от коммуникативной инициативы, готовностью согласиться с главенствующим коммуникантом, какой бы ни была его точка зрения (конформно-кооперативный тип языковой личности в терминологии К.Ф. Седова), и вообще избеганием речевых актов, способных спровоцировать конфликт по причине того, что они представляют угрозу для лица адресата. Человек, наделенный низким социальным статусом, как правило, старается следовать установленным принципам интеракции в определенной ситуации, даже если недостаточно хорошо ими владеет. Поэтому он склонен запинаться, невнятно произносить слова, а то и вовсе настоятельно молчать, хотя в некоторых контекстах молчание, напротив, следует квалифицировать сигналом власти — к примеру, демонстративным нежеланием нисходить до ведения разговора с неравным себе или удержанием релевантной информации. Так, в рамках педагогического дискурса в большинстве случаев учитель как коммуникант, наделенный определенной степенью власти, не обязан отвечать на все вопросы ученика и может проигнорировать их, допустим, под предлогом того, что учащийся уже должен знать обсуждаемую тему или изучить ее самостоятельно. Однако если школьник не отвечает на вопрос преподавателя, это может иметь негативные последствия для него, сказавшись на оценке за занятие. При неправильном ответе же для ученика существует дополнительный риск — быть осмеянным в классе.

Сказанное не предполагает, однако, что учащийся совсем не обладает никакой властью — вступая в интеракцию с учителем, он неизбежно принимает участие в языковой игре, и несмотря на то, что, казалось бы, в ней социальные роли заранее распределены, иногда ситуативные факторы коммуникации,

а также психологические характеристики говорящих, их лингвопрагматические установки и т.д. меняют — пусть чаще всего и на время — привычный ход событий. Как считает С. Милз, «Власть представляет собой ... форму [коммуникативного] действия или отношений между людьми, которые не фиксированы и стабильны, но в каждом акте интеракции подвержены пересмотру» [1. Р. 34]. Исследовательница приводит примеры, как секретари-женщины в разговоре с начальниками-мужчинами в состоянии манипулировать дискурсивной властью — контролировать общение, становиться влиятельными языковыми личностями:

BOSS: *I wonder... if ...er... could you possibly ...you know, this report thing here... could that be sort of sent out // this afternoon.*

SECRETARY: *// Well. I've got a lot of work on // but I suppose...*

BOSS: *I'd really appreciate it thanks (... indicates pause, // indicates simultaneous speech).*

Начальник вежливо просит секретаря отправить отчет во второй половине дня. То, что избираемый речевой жанр не приказ, а просьба, подтверждает избрание говорящим сослагательного наклонения (*could you*) и употребление им наречия 'possibly', несущего модальное значение. Обратим внимание и на пассивный залог, использованный во второй части анализируемой реплики, а также на фразу 'sort of sent out', указывающую на неопределенность формулировки того, что надо сделать. Коммуникант, произнося реплику, несколько раз останавливается, словно ища слова, что, несомненно, несвойственно властным людям. Секретарь, в свою очередь, не дослушав работодателя до конца, перебивает его и, ссылаясь на занятость, по всей видимости, хочет договориться о возможности выполнить задание, может быть, в другой день. Еще не получив согласие со стороны подчиненной выполнить адресованное ей поручение, тем более в положенный срок, начальник благодарит ее, снова применяя сослагательное наклонение (*I'd really appreciate it*) [1. Р. 36–37].

Р. Ратмайр различает *прямые* и *косвенные стратегии власти*. К первым автор относит прежде всего употребление невежливости, предполагающее актуализацию ликоугрожающих актов (англ. *face-threatening acts*), главным образом представленных директивными речевыми актами — угрозами, приказами, поучениями, настаиваниями² [4. С. 262] — часто подразумеваемыми перевод [общения] на личности [20. С. 177].

Косвенные стратегии власти — это прежде всего приемы менеджмента информации. О власти коммуниканта свидетельствует возможность много и беспрепятственно говорить, задавать вопросы (автор приводит пример

² Анализируя дискурс переговоров, автор использует термин «стратегия настаивания» [18. С. 272].

ситуации разговора между продавцом и покупателем, в котором покупатель, запрашивая информацию, определяет течение коммуникации), выдавать или удерживать некоторые сведения [19. С. 265]. Властный человек имеет право ставить деликатные и контрольные вопросы, принимающие форму более эксплицитно выраженных, т.е. прямых стратегий власти. В дискурсе переговоров дипломаты используют (косвенные) стратегии власти как *нивелирующие* и *пробивные стратегии*, связанные со смягчением высказываний и стремлением расставить приоритеты в свою пользу, соответственно. Владение искусством инструментальной агрессии — важный навык для человека, вступающего в дебаты [19. С. 267].

Таким образом, приходим к выводу, что коммуникация протекает в симметричных / ассиметричных отношениях власти, которые, с одной стороны, конечно же, предзаданы, регламентированы, но с другой, постоянно воспроизводятся и пересматриваются в ходе общения, в связи с чем предложим следующее определение термину «стратегия власти»: лингвопрагматическая установка на повышение или искусственное понижение своего социального статуса, что имеет место при стратегии маргинализации [21. С. 102], т.е. другими словами, открытая / завуалированная манипуляция властью, понимаемой не столько в качестве объекта социального мира, сколько феномена, конструируемого в рамках дискурса, отчасти фикционального. Актуальным представляется рассмотреть, как стратегии власти в таком их понимании манифестируются в различных типах институционального и неинституционального дискурса — политическом, масс-медийном, педагогическом, медицинском, юридическом, бытовом и т.д.³

К вопросу о социальном статусе участников (предвыборного) политического дискурса

Значительная часть институционального политического дискурса разворачивается между его агентами — представителями политических институтов и самими институтами. В то время как одни политические группы находятся во власти — в ее узком понимании, — другие борются за получение и расширение политического влияния, и в этом смысле ситуация взаимодействия с точки зрения кратологического (от др-греч. *κράτος* — власть) дискурсивного анализа, казалось бы, в большинстве случаев должна быть признана ассиметричной. Тем не менее в рамках предвыборной кампании в свободной, демократической стране оппозиция получает примерно одинаковые права с правящей элитой, а потому далее будем исходить из того, что электоральное общение в парадигме «политик — политик» является *равноправным*.

³ Вопреки классическому пониманию термина «институциональный дискурс», считаем: даже дискурсы как политический, юридический, медицинский могут иметь неинституциональные разновидности, например, разворачиваясь в Интернете [21. С. 98–100].

Конечно, на самом деле, исключений из этого правила можно найти предостаточно, уже не говоря о том, что идеальных демократий в мире нет, а в авторитарных и тоталитарных обществах — оппозиция низведена в лучшем случае до статуса второстепенной политической силы, в худшем — «врагов народа», «иноагентов», «пятой колонны Запада», «террористов», «экстремистов» — определения варьируются от режима к режиму, но их суть не меняется.

В США политический курс традиционно детерминируют две основные партии — Демократическая партия и Республиканская партия. Учитывая устойчиво сильное влияние обеих партий на политическую жизнь страны и периодическую сменяемость власти в ней, в недемократических государствах цивилизованным путем редко достижимую, стоит отметить относительный *паритет социального статуса* претендентов от названных партий на Белый Дом — все они, как правило, люди богатые, известные — (бывшие) сенаторы, мэры, губернаторы — а то и вовсе занимавшие самые ответственные политические позиции — (экс-) госсекретари, вице-президенты, президенты.

Между тем в последнее время в ряде стран, включая США, наметилась такая интересная тенденция: свою кандидатуру на должность президента или любой иной важный государственный пост все чаще выставляют граждане, формально не имеющие опыта работы ни в политических, ни в военных, ни в силовых институтах — бизнесмены, врачи, генеральные директоры и т.д., а то и вовсе работники шоу-индустрии (актеры, модели, певцы, профессиональные спортсмены, включая боксеров) или космонавты. Но неправильно было бы питать какие-либо иллюзии насчет того, насколько реально для простого человека принять участие в политической борьбе: не только все перечисленные профессии индицируют сравнительно устойчивое положение конкурентов в элитарных слоях населения, их финансовое благополучие и, как минимум относительную известность, но и в подавляющем большинстве случаев (само) выдвиженцы имеют обширные связи, в том числе в структурах власти — с точки зрения истории положение в области политики отнюдь не новое: известно немало примеров, когда установив эти связи, во главе величайших цивилизаций вставали личности скромного происхождения, занимавшие в общественной иерархии положение маргиналов, а иногда — на определенном этапе своей жизни — бывшие фактически люмпенами.

Так, исследователь эпохи нацизма У. Ширер прямо указывает: не добившись поддержки *мощных* (англ. powerful) социальных институтов, политик — даже при условии, что его поддерживает народ — имеет незначительные шансы на победу. Злой гений А. Гитлера проявился как раз в том, что фюрер не только был наделен талантом оратора, но и эффективно использовал социальные лифты, в достатке предоставляемые ему неокрепшей Веймарской демократией, в начале 1930-х гг. пострадавшей к тому

же от мирового финансового кризиса, который назовут Великой депрессией, осознав: только объединившись с церковью, военными, кабинетом министров, нацисты, на пике популярности завоевавшие симпатию не более трети немецкого электората, чей одиозный лидер потерпел чувствительное поражение от П. фон Гинденбурга на выборах весной 1932 г., имели возможность править Германией [22].

При анализе политического дискурса вполне уместно руководствоваться следующим принципом: кандидаты, борющиеся за (высокую) государственную должность, за редчайшим исключением являются представителями элит, как правило, уже имеющих отношения или, как минимум, стремящихся завязать взаимовыгодные связи с существующими структурами (политической) власти, но не гнушающихся в целях обретения симпатий народа подчеркнуть свой «низкий» статус в политических / социальных институтах, что, на наш взгляд, должно трактоваться в качестве *игры во власть*, а точнее, одной из *стратегий власти* — *стратегии маргинализации*, или даже *самомаргинализации* [21. С. 102].

Материал и методология исследования

Материалом исследования служат прежде всего тексты дебатов и выступлений политиков на митингах, созданные в рамках избирательной кампании в США в 2015–2016 гг. В общей сложности анализируются 13 текстов, транслируемых на видеоплатформе YouTube. Время просмотра составляет более 10 ч.

На данном этапе изучения власти нами не берется в расчет речевой жанровый аспект (дебаты vs. выступления на митингах), и в качестве основных понятий исследования избираются «политический дискурс» и «ситуация общения равноправных коммуникантов», что во многом предопределяет его методологию, включающую как общенаучные, так и собственно лингвистические, в частности лингвополитологические, методы. К первым отнесем интерпретацию, описание, сравнение. Вторые представлены контекстуальным анализом, критическим дискурс-анализом и кратологическим анализом.

Контекстуальный анализ предполагает, как уже свидетельствует само название метода, рассмотрение языковых единиц в контексте их использования с учетом коннотативных значений и лингвостилистических особенностей. Критический дискурс-анализ, разработанный научной школой Т. ван Дейка, определяет ангажированный подход исследования, пристальное внимание к наиболее острым проблемам современности, в том числе распределению власти в социуме. Кратологический анализ позволяет ответить на вопросы, каким образом, через какие механизмы власть демонстрируется / заново конструируется в ходе общения, а также — кто обладает властью.

Стратегии власти в американском политическом дискурсе 2015–2016 гг.

О стратегии маргинализации и языковой личности политика-маргинала мы уже достаточно подробно писали [21]. Поэтому здесь мы сознательно не будем фокусироваться на этой теме и постараемся рассмотреть другие техники ведения языковых игр во власть в ситуации общения равноправных коммуникантов.

Как констатирует Р. Ратмайр, одной из привилегий человека, наделенного высокой степенью (дискурсивной) власти, является возможность безнаказанно использовать невежливость [9. С. 262] — с точки зрения лингвистики объемного ситуативно обусловленного феномена, в конечном счете воспринимаемого коммуникантом субъективно, а потому неподдающегося строгой дефиниции, но связываемого Дж. Калпепером прежде всего с идеей нападения на лицо противника. Исследователь различает нападения на лицо персональных качеств (англ. *quality face*), на лицо социальной идентичности (англ. *social identity face*) и на лицо отношений (англ. *relational face*). В первом случае невежливая языковая личность ставит под сомнение позитивные характеристики, которыми другой человек, по его мнению, обладает — внешнюю привлекательность, ум и т.д. Во втором — оскорбление / дискредитация осуществляется компрометацией всей социальной группы, к которой принадлежит собеседник. В третьем — оспариваются отношения, сформированные индивидом в определенном коллективе [22. Р. 28–31]. Приведем примеры:

O'MALLEY: *The fact of the matter is — and let's say it in our debate, because you'll never hear this from that immigration-bashing carnival barker, Donald Trump, the truth of the matter is...*⁴ (нападение на лицо качеств, отрицание ораторских способностей Д. Трампа, выставление его в виде комической фигуры, принимающей участие в карнавале, кричащей слоганы против мигрантов).

SANDERS: *And somebody like a Trump comes along and says...*⁵.

SANDERS: *And where we are right now is we have got to stand up to the Trumps of the world who are trying to divide us up*⁶ (атака на лицо социальной идентичности Д. Трампа, превращение его имени в нарицательное существительное с помощью добавления к нему неопределенного артикля и использования во множественном числе, так что, говоря о своем идеологическом противнике, сенатор имеет в виду всех сверхбогатых людей, по его мнению, доведших Америку до политико-экономического кризиса).

TRUMP: *...Without media and all of the other corrupt entities that have helped her along the way, she would be nothing, she would be doing so badly*⁷.

⁴Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ti2Nokoq1J4> (дата обращения: 23.12.2023).

⁵Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=JDqZlGcSYtl> (дата обращения: 23.12.2023).

⁶Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F5RPn5vstHc> (дата обращения: 23.12.2023).

⁷Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fV8RJxy2xfQ> (дата обращения: 23.12.2023).

TRUMP: *Without the media Hillary Clinton could not be elected a dog-catcher*⁸ (атака на лицо отношений Х. Клинтон, непризнание ее рейтинга, политических заслуг, высокого положения в политической иерархии — кандидат была и первой леди, и сенатором, и госсекретарем, а Д. Трамп утверждает, что ее не следовало бы избирать даже на самую незначительную должность).

Иногда нападение на лицо собеседника осуществляется в имплицитной форме:

CLINTON: *We're going to do it by having the wealthy pay their fair share and close the corporate loopholes*⁹.

Понять данное выражение можно, только обратившись к широкому контексту дискурса: в 2015–2016 гг. демократы сделали особый акцент на том, что миллиардер Д. Трамп не платит налоги и использует различные лазейки, которые они и предлагали называть соответственно — ‘Trump loopholes’. Республиканец (имплицитно) дискредитируется на основании того, что он принадлежит нечестным сверхбогатым людям, избегающим любых расходов в пользу государства. По нашему мнению, имплицитные формы нападения на лицо соперника надо тоже квалифицировать в качестве стратегий власти, но, согласно терминологии Р. Ратмайр, их следует причислять, наверное, к косвенным, а не к прямым ее проявлениям.

Порой провести четкую грань между различными видами невежливости достаточно проблематично:

TRUMP: *Secretary Clinton and others, politicians, should have been doing this for years, not right now, because of the fact that we've created a movement. They should have been doing this for years*¹⁰.

Речевой жанр реплики — упрек, в данном случае выраженный перфектной продолженной конструкцией с модальным глаголом ‘should’ (should have been doing), повторенной дважды. В то время как употребление данного речевого жанра со стороны Д. Трампа индицирует наличие у коммуниканта определенной степени дискурсивной власти, являясь одновременно и попыткой расширить свое влияние, поставив противника в ситуацию, в которой ей необходимо защищаться, адресатом упрека является и Х. Клинтон (атака на лицо качеств), и политики в целом (экс-госсекретарь дискредитируется на основании ее принадлежности

⁸ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Pkt7EqFWii4> (дата обращения: 23.12. 2023).

⁹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88> (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁰ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 23.12. 2023).

некомпетентным правящим элитам — нападение на лицо социальной идентичности).

Невежливость не сводится к идее атаки на лицо противника. Как указывает Х. Спенсер-Оати, невежливость может возникнуть вследствие невыполнения *sociality rights* — понятия, предполагающего, что коммуниканты руководствуются принципами справедливости (англ. equity) и внимательного отношения друг к другу (англ. association) [23. Р. 16].

Рассмотрим следующий речевой фрагмент:

BUSH: *You said on September 30th that ISIS was not a factor.*

TRUMP: *Am I talking or are you talking, Jeb?*

BUSH: *I'm talking right now. I'm talking.*

TRUMP: *You can go back. You're not talking. You interrupted me.*

BUSH: *September 30th you said...*

TRUMP: *Are you going to apologize, Jeb? No. Am I allowed to finish?*

BLITZER: *Just one at a time, go ahead...*

TRUMP: *Excuse me, am I allowed to finish?*

BLITZER: *Go ahead, Mr. Trump.*

TRUMP: *So...*

BUSH: *A little of your own medicine there, Donald.*

TRUMP: *... again...*¹¹.

Очевидно, что говорящие, постоянно перебивая друг друга, не только не соблюдают этические принципы общения, но и борются за право говорить. Стратегии власти, которые применяет Д. Трамп, если следовать терминологии Р. Ратмайр, сопряжены с вопросами, хотя, на наш взгляд, здесь было бы уместнее вести речь о коммуникативных ходах, нацеленных, с одной стороны, на захват коммуникативной инициативы, а с другой, нивелирование попыток конкурента представить себя более влиятельным дискурсивным игроком. То, что в речи Джеба Буша тоже прослеживаются претензии на дискурсивную власть, подтверждается достаточно категоричными ответами (*I'm talking right now. I'm talking.*) и употреблением дискредитации: *'A little of your own medicine there, Donald'*.

Д. Трампу как человеку достаточно властному свойственно задавать своим противникам вопросы:

TRUMP: *And, Hillary, I'd just ask you this. You've been doing this for 30 years. **Why are you just thinking about these solutions right now?** For 30 years, you've been doing it, and now you're just starting to think of solutions*¹².

¹¹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo> (дата обращения: 23.12. 2023).

¹² Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 23.12. 2023).

Иногда один и тот же вопрос повторяется говорящим несколько раз, тем самым коммуникант стремится получить ответ на него, что, как правило, позволяют себе люди, обладающие высоким социальным статусом:

TRUMP: *So is it President Obama's fault?* [Interruption]

CLINTON: ... *before you even announced.*

TRUMP: *Is it President Obama's fault?* [Interruption]

CLINTON: *Look, there are differences...*

TRUMP: *Secretary, is it President Obama's fault?* [Interruption]

CLINTON: *There are....*

Власть может проявляться в речевом жанре колкости:

CLINTON: *Well, actually, I have thought about this quite a bit.*

TRUMP: *Yeah, for 30 years.*

Или:

Jeb BUSH: *I am sick and tired of him going after my family. ... He had the gall to go after my mother. My mom is the strongest person I know.*

TRUMP: *She should be running*¹³.

Стратегия власти в последнем диалоге демонстрируется непризнанием лица отношений — кандидат отказывается считать семью Бушей, как известно, давшей США двух президентов, в качестве элиты американского общества.

Задействуя ресурсы дискурсивной власти, политик может представлять себя в образе государственного обвинителя, перед которым стоит важная задача — привлечь к (уголовной) ответственности своего оппонента:

CHRISTIE: ...*So let's do something fun tonight. Tonight as a former federal prosecutor I welcome the opportunity to hold Hillary Rodham Clinton accountable for her performance and her character. (Chants: 'Lock her up')*¹⁴.

Хотя К. Кристи и указывает, что в прошлом он был прокурором, никакой реальной властью, позволявшей бы ему расследовать «дело Х. Клинтон», он не наделен. Республиканец и сам косвенно признает это, в начале своей тирады ведя речь о веселье (fun), «вплетая в ткань текста- [обвинения] элементы сценарности» [24. С. 96], рассчитывая на лудический эффект. Тем не менее, инкриминируя лидеру демократов серьезные преступления, кандидат создает для себя имидж 'powerful guy'.

¹³ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Un3OhYs-tCE> (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁴ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI> (дата обращения: 23.12. 2023).

Последний образ иногда пересекается с имиджем ‘bad guy’, актуальным, поскольку в современную эпоху размывания морально-нравственных границ, как свидетельствуют В.Н. Нигматулина и Е.Н. Галичкина, даже люди, нарушающие закон, идеализируются, если они обладают властью [25. С. 94].

Стремление создать для себя имидж властного человека и проецировать дискурсивную власть может побуждать говорящего сравнивать политику с боксом:

TRUMP: *I have to say our system was rigged too except for one thing: if you win by massive landslides every week, it's no longer. **It's like the boxers***¹⁵.

Или:

CHRISTIE: *Put me in the **ring** with Putin*¹⁶.

Позволим себе привести также два примера из российского оппозиционного политического дискурса:

ПЛАТОШКИН: *У них ничего не получилось, и теперь наша очередь **отправить** 19 сентября **их в нокаут***¹⁷.

МАЛЬЦЕВ: *Мы хотим **спасти** России **от революции**! Да, и я призываю к нормальной и законной революции, которую можно свершить лишь путем **импичмента**. Нужно отстранить от власти **главный тормоз**, который мешает нашей экономике*¹⁸.

Реплика В. Мальцева представляется особенно интересной, поскольку не только построена на вольной трактовке слова «революция», но и хорошо отражает суть манипуляций с дискурсивной властью: член партии «ПАРНАС», обладая минимальной поддержкой со стороны населения (около 1 %), тем не менее выдвигает требование импичмента В. Путину, для достижения которого потребовалось бы 2/3 голосов «за» обеих палат российского парламента. Оппозиционный деятель фактически оскорбляет главу государства, используя многозначное слово «тормоз», которое в молодежном жаргоне интерпретируется как «очень медлительный человек». Таким образом, происходит одновременное нападение на лицо качеств и отношений, по сути, речь идет об отказе считать президента президентом. При этом, конечно, в анализируемой ситуации ни о каком равноправии коммуникантов не может

¹⁵ Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=sLZIEDF_bUk (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁶ Режим доступа: https://www.nj.com/opinion/2015/10/chirs_christie_boxing_vladimir_putin_knock_yoursel.html. (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁷ Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=EOwygS_hQrM (дата обращения: 23.12. 2023).

¹⁸ Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/27938494.html> (дата обращения: 23.12. 2023).

быть и речи — более того, В. Путин редко нисходит до ответа на предъявляемые ему обвинения со стороны маргинализированных политиков, не пользующихся поддержкой электората, а часто вовсе не имеющих шанса принять участие в выборах, в чем тоже проявляется стратегия власти. Как мы отмечали, молчание, игнорирование, отказ называть имя конкурента могут быть стратегиями самопрезентации коммуниканта, ведь язык — это форма социокультурного / символического капитала (по П. Бурдьё), пересекающегося с другими видами капитала, в том числе материальным, и от того, насколько искусно люди владеют языком, зависит их финансовое благополучие.

Власть в политическом дискурсе проявляется в несмягченных комплиментах в свой адрес, отвержении максимы скромности — приемах, весьма характерных для языковой личности Д. Трампа:

TRUMP: *Even Putin, you know Putin, they want me to disavow Putin, Putin of Russia, he said Trump is a genius, he'll be the next leader*¹⁹.

TRUMP: *That makes me smart*²⁰.

Максима скромности тем не менее полностью не устраняется из дискурса:

TRUMP: *I have a great company. I have a tremendous income. And the reason I say that is not in a bragadocios way. It's because it's about time that this country had somebody running it that has an idea about money.*

Заключение

Тема, поднятая в рамках настоящей статьи, безусловно обширна и, можно утверждать, недостаточно изучена. В данной работе мы не претендовали дать исчерпывающее описание всех стратегий власти, используемых в политическом общении, или тем более предложить классификацию им, с точки зрения системного подхода к изучаемым явлениям необходимую для лучшего их понимания. Более важным на данном этапе исследования нам представляется широкое обоснование понятия «власть», включение его в орбиту лингвистики и отнюдь не только политической: если исходить из постулата, что общение сопряжено с демонстрацией и конструированием властных отношений в различных видах коммуникации — масс-медийной, медицинской²¹, педа-

¹⁹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WdkwXsUBhoQ> (дата обращения: 23.12. 2023).

²⁰ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=855Am6ovK7s> (дата обращения: 23.12. 2023).

²¹ На это указывал и М. Фуко, стоящий у истоков кротологического дискурс-анализа, посвятивший свое творчество изучению главным образом отношениям власти там, где их долгое время не замечали.

гогической, политической, юридической и даже бытовой, — то становится очевидной невозможность для ученых-гуманитариев обходить своим вниманием эти аспекты использования языка.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

- в политическом дискурсе реализация стратегий власти часто имеет отношение к актуализации *невежливости*, в связи с чем именно последнее понятие должно быть отражено в лингвистических исследованиях — не только с точки зрения осуждения невежливости (лингвоэкологический подход), но и изучения функций, выполняемых невежливостью в общении (лингвопрагматический подход), в том числе имеющих непосредственное отношение к понятию дискурсивной власти;
- дискурсивная власть представляет собой, по всей видимости, континуум, социальную данность, распределенную и одновременно распределяемую между коммуникантами в ходе взаимодействия между ними;
- борьба за обладание *дискурсивной* — отнюдь не только политической — властью является ведущей лингвопрагматической установкой в политическом дискурсе, реализуемой через использование стратегий власти.

Дальнейших векторов рассмотрения власти с точки зрения политической лингвистики много: следует подробно проанализировать не только ситуацию интеракции равноправных коммуникантов в парадигме «политик — политик», но и обратиться к взаимодействию, как минимум в формальном отношении, ассиметричных позиций власти, например, в рамках общения *политика — политического института* или *политика — избирателя*. Причем уже сейчас можно предполагать, что упрощенное видение агентов политического дискурса, находящихся во главе государства («во власти» — в узком ее понимании), в качестве всесильных сущностей, а клиентов — лишенных прав, обезличенных объектов манипуляции — не соответствует действительности. Между тем именно это заблуждение — одна из причин аполитичности населения, ставшего, к сожалению, символом нашего времени. Однозначно, что для уточнения и прояснения многих актуальных моментов функционирования дискурсивной категории «власть» требуются дополнительные исследования.

Библиографический список

1. Mills S. Discourse. London: Routledge, 2004.
2. Жунусова Ж.Н., Нугуманова А.Н., Волкова Я.А. Фразеологизмы со оценочным компонентом в публичной речи современных политиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 232–247. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247>
3. Разумовская В.А. «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>
4. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013.

5. *Nikishina O.A.* The specific features of the language of power and the language of resistance realized in the army English-language discourse // *The Humanities and Education*. 2020. Vol. 11. № 4(44). P. 160–165.
6. *Alexeyev A., Driai H.* Bernard Shaw's play "Pygmalion" as pedagogical discourse // *I chkalat Journal. Linguistic, Literary, Critical Studies*. 2024. № 13(2). P. 333–354.
7. *Халилова Л.А.* Власть языка и язык власти // *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2020. № 3. С. 95–105. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-3-96-105>
8. *Шукуров Н.Н.* Концепт «власть» на английском и разносистемных языках // *Вопросы науки и образования*. 2020. № 39(123). С. 39–45.
9. *Panchuk I.A.* Hate speech as a feature of modern communications // *Гуманитарные науки глазами молодежи*. 2024. С. 108–111.
10. *Чикилева Л.С., Алешина Е.Ю.* Прагмалингвистические особенности современной англоязычной риторики политического конфликта // *Российский гуманитарный журнал*. 2023. Т. 12. № 1. С. 46–56. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2023.1.4>
11. *Селиванова И.В.* Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 3. С. 45–57. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57>
12. *Общая психолингвистика: хрестоматия* / сост. К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.
13. *Nye J.* *Soft Power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs, 2004.
14. *Михайлова О.Р.* Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 28–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818>
15. *Locher M.* *Power and politeness in action. Disagreements in oral communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
16. *Витгенштейн Л.* *Культура и ценность. О достоверности*. М.: Астрель, 2010.
17. *Равочкин Н.Н.* Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты // *Вестник МГПУ. Сер.: Философские науки*. 2020. № 2(34). С. 46–53. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.7>
18. *Лиотар Ж.-Ф.* *Состояние постмодерна*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
19. *Эрлих С.Е.* *Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий*. СПб.: Нестор-История, 2016.
20. *Алексеев А.Б.* Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 1. С. 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111>
21. *Shirer W.L.* *The rise and fall of the Third Reich* // *BookVooks*. Режим доступа: <https://booksvooks.com/nonscrolablepdf/the-rise-and-fall-of-the-third-reich-a-history-of-nazi-germany-pdf.html?page=5> (дата обращения: 23.12. 2016).
22. *Culpeper J.* *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge Press, 2011.
23. *Spencer-Oatey H.* *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*. New-York: Continuum International Publishing Group, 2008.
24. *Стырина Е.В., Мартиросян А.А.* Элементы фикциональности в медиатекстах: столкновение реального и вымышленного // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. Т. 19. № 1. С. 92–105. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105>
25. *Нигматулина В.Н., Галичкина Е.Н.* Образные характеристики концепта «киберпреступность» (на материале русскоязычных и англоязычных онлайн СМИ) // *Креативная лингвистика*. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 90–95.

References

1. Mills, S. (2004). *Discourse*. London: Routledge.
2. Zhunusova, Zh.N., Nugumanova, A.N. & Volkova, Ya.A. (2023). Phraseological units with an evaluative component in public speech of modern politicians. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 232–247. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-232-247> (In Russ.).
3. Razumovskaya, V.A. (2023). “Supertext” as a form of a “strong” text existence *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275> (In Russ.).
4. Ratmair, R. (2013). *The Russian speech and the market: traditions and innovations in everyday business communication*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
5. Nikishina, O.A. (2020). The specific features of the language of power and the language of resistance realized in the army English-language discourse. *The Humanities and Education*, 11, 4(44), 160–165.
6. Alexeyev, A. & Driai, H. (2024). Bernard Shaw’s play “Pygmalion” as pedagogical discourse. *I chkalat Journal. Linguistic, Literary, Critical Studies*, 13(2), 333–354.
7. Khalilova, L.A. (2020). The power of language and the language of power. *RGGU Bulletin. Psychology. Pedagogics. Education*, 3, 95–105. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-3-96-105> (In Russ.).
8. Shukurov, N.N. (2020). Concept ‘power’ in English and different-system languages. *Issues of science and education*, 39(123), 39–45. (In Russ.).
9. Panchuk, I.A. (2024). Hate speech as a feature of modern communications. *Humanities with the eyes of the youth*, 108–111.
10. Chikileva, L.S. & Aleshina, E.Yu. (2023). Pragmalinguistic features of contemporary English-language rhetoric of political conflict. *Liberal Arts in Russia*, 12(1), 46–56. <https://doi.org/10.15643/libartus-2023.1.4> (In Russ.).
11. Selivanova, I.V. (2023). Verbal strategies for maintaining power in public discourse of the Spanish monarchy. *NSU Vestnik Journal, Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 45–57. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57> (In Russ.).
12. General psycholinguistics: anthology (2004). K.F. Sedov (Ed.). Moscow: Labirint. (In Russ.).
13. Nye, J. (2004). *Soft Power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
14. Mihajlova, O.R. (2021). The Perspective of Ego-Network Analysis in The Maral Panic Propagation Studies on the Interpersonal Level. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 28–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1818> (In Russ.).
15. Locher, M. (2004). *Power and politeness in action. Disagreements in oral communication*. Berlin: Mouton de Gruyter.
16. Wittgenstein, L. (2010). *Culture and Value. On truth*. Moscow: Astrel’. (In Russ.).
17. Ravochkin, N.N. (2020). Language games in the domain of politics and law: analytic philosophers vs. postmodernists. *Vestnik MGPU. Ser: Philosophical sciences*, 2(34), 46–53. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.1.7> (In Russ.).
18. Liotar, Zh.-F. (1998). *The postmodern condition*. Moscow: Institute of experimental sociology. Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russ.).
19. Yerlikh, S.E. (2016). *The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria. (In Russ.).
20. Alekseev, A.B. (2022). The political marginalization as a communicative strategy of power domination in political discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20(1), 96–111. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111> (In Russ.).
21. Shirer, W.L. The rise and fall of the Third Reich. *BookVooks*. URL: <https://bookvooks.com/nonscrolablepdf/the-rise-and-fall-of-the-third-reich-a-history-of-nazi-germany-pdf.html?page=5> (accessed: 23.12. 2016).

22. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge Press.
23. Spencer-Oatey, H. (2008). *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*. New-York: Continuum International Publ.
24. Styrina, E.V. & Martirosjan, A.A. (2021). Elements of Fictionality in Media Texts: Facts vs Fiction. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 19(1), 92–105. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-1-92-105> (In Russ.).
25. Nigmatulina, V.N. & Galichkina, E.N. (2020) Figurative characteristics of the concept ‘cybercrime’ (on the material of Russian and English-language online mass-media). In: *Creative linguistics*. Astrakhan: Astrakhan State University Publ. pp. 90–95. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной языковой подготовки, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82); *сфера научных интересов*: критическая лингвистика, лингвопрагматика, лингвоперсонология, политическая лингвистика, политология; *e-mail*: neuausstatten@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2740-4649; SPIN-код: 2354–9963; Author ID: 932287.

Сорокина Эльвира Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии факультета романо-германских языков, Государственный университет просвещения (141014, Российская Федерация, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24); *сфера научных интересов*: антропологическая лингвистика, лексикология, лингвоперсонология, семиотика, терминоведение; *e-mail*: ellasor@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4965-078X; SPIN-код: 2569–3236; Author ID: 764946.

Information about the authors:

Alexander B. Alexeyev, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Professional Language Preparation, the Institute of Social Sciences, the Russian Academy of Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 119571). *Research interests*: embrace critical linguistics, linguopragmatics, linguopersonology, political linguistics, political studies; *e-mail*: neuausstatten@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2740-4649; SPIN-code: 2354-9963; Author ID: 932287.

Yelvira A. Sorokina, Dr.Sc. (Philology), Professor at the Department of English Philology, the Romano-Germanic languages faculty, Federal State University of Education (24, Very Voloshinoy str., city of Mytishi, Moscow Region, Russian Federation, 141014). *Research interests*: embrace anthropolinguistics, lexicology, linguopersonology, semiotics, terminology; *e-mail*: ellasor@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4965-078X; SPIN-code: 2569-3236; Author ID: 764946.